

стороны; 2) АО в 1924 г. не имело еще утвержденного устава и находилось в стадии организации; 3) существовавший аппарат управления Уполномоченного как временный по количеству своему превышал действительную в нем необходимость; 4) как в управлении, так и в хозяйствах не было достаточного количества знающих тракторное дело специалистов; 5) нерациональна организация взаимоотношений внутри хозяйств; 6) административно-делопроизводственная часть, а также бухгалтерский и технический учет совхозов был поставлен неудовлетворительно; 7) расценка полученного от Межрабпома и Башсельтреста имущества не отвечала реальной стоимости; 8) отсутствовал должный учет топлива и смазки тракторов; 9) ассортимент сельхозмашин был очень мал и недостаточен для предполагаемых работ; 10) за прошедший период работы хозяйства не показали себя рентабельными. РКИ предложило АО принять следующие меры: ускорить организацию АО; сократить штат управления уполномоченного, самому управлению перевестись в совхозы для непосредственного на месте управления, оставив в Екатеринбурге штат для производства хозяйственных операций; выработать организацию хозяйства на началах административно-хозяйственной самостоятельности управляющего совхозами, сохранив за уполномоченным право общего надзора и руководства; упорядочить делопроизводство и бухгалтерию; полученное от разных органов имущества подвергнуть переоценке; улучшить качество инженерно-технических кадров, пересмотреть расценки труда работников хозяйств; наблюдать строжайшую экономию расходования средств и др.⁹

Обследование подвело итоги работы АО и оценило их как положительные. Деятельность АО в 1923–1924 гг. продемонстрировала возможность эффективного использования тракторов в сельском хозяйстве Урала¹⁰. Однако неорганизованность производства и большие накладные расходы не позволили тракторной обработке земли в хозяйствах АО стать рентабельной.

Примечания

¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 2; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 180. Л. 75а.

² История Урала: XX Екатеринбург, 1996. С. 75; ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 2, 131.

³ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 180. Л. 75а, 75б об.; Д. 287. Л. 112–113; Д. 180. Л. 75а, 75б об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 6–7, 26, 52, 57а, 111, 134.

⁴ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–8, 78 об., 81 об., 82 об.–84.

⁵ Там же. Л. 6, 9–10, 13–19, 23, 25, 30, 34–36, 56, 67–73 об., 81, 85–88а об., 99, 114, 126, 144, 150, 161, 163, 166, 173, 175–177, 181–183, 187, 193–194, 201, 217.

⁶ ЦДООСО. Ф. 48. Оп. 2. Д. 472. Л. 110об.–111 об., 116–117 об.

⁷ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 126–128 об.; Ф. 48. Оп. 2. Д. 472. Л. 112 об.

⁸ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 203. Л. 140–141.

⁹ Там же. Л. 120–125.

¹⁰ Там же. Л. 50 об.

*М.А. Фельдман,
А.А. Чудиновский
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДАХ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА в 20–30-х гг. XX в.

Уральский регион к 1917 г. состоял из четырех губерний, но пяти епархий, так как в крупнейшей губернии — Пермской — насчитывалось две епархии. Урал отличался поликонфессиональным составом населения. Только три крупнейшие конфессии (православная, мусульманская, старообрядческая церкви) охватывали, соответственно, примерно 7,7 млн, 1,3 млн, 450 тыс. жителей Урала¹. Религиозность уральского населения поддерживалась сохранением традиционных условий быта и занятий не только в сельской местности, но и в большинстве городских поселений.

Период войн и революций не мог не отразиться на культурном уровне рабочих Урала, на степени влияния религиозных взглядов. Однако, соглашаясь с мнением французского историка А. Безансона, о том, что «идеологией разорвала связь между старым и новым режимом»², заметим: изменения в сфере культурного уровня рабочих оказались не столь глобальными, как это казалось властным структурам. Утверждения политиков и публицистов 20-х гг. о «культурной революции», «невиданно быстром росте культуры»³ не были подтверждены каким-либо статистическим материалом. Сохранение в мировоззрении рабочих значительной доли консервативно-патриархальных представлений, как в годы предшествующие Первой мировой войне, так и в последующий период; актуализация традиционалистских парадигм сознания и менталитета — стали порукой для сохранения базисных основ культурного уровня рабочих. В наибольшей степени этот тезис касается рабочих бывших казенных заводов, и вывод Л.Н. Бехтеревой о сохранении в

20-е гг. образа жизни и уклада потомственных рабочих Ижевских заводов, охарактеризованных как “нравственно-бытовой традиционализм с достаточно высоким культурно-образовательным уровнем и религиозностью”⁴, подтверждается материалами о жизни рабочих Мотовилихи, Златоуста, других поселений бывших казенных округов.

Обратим внимание на сохранение религиозных традиций в рабочем социуме, не признающее и принадлежности к правящей партии. Так обследование условий жизни 498 коммунистов Пермского уезда в 1923 г., (80% из которых составляли рабочие, в основном Мотовилихинского завода), показало: 41,7% коммунистов сохраняли дома иконы; у 39% — члены семей посещали церковь⁵. Более широкое и более позднее обследование (1927 г.) в Перми выявило наличие икон у 70% жителей рабочего центра; по крайней мере, 30% — совершали религиозные обряды; 22,4% — посещали церковь⁶. Сводка ОГПУ по Вотской обл.(1924 г.), называя 20% рабочих Воткинско-го завода верующими, отмечала наличие и у “части остальных” религиозных убеждений. Попытки властей сделать церковные праздники рабочими днями наталкивались на повсеместное сопротивление горнозаводского населения. Характерно, что на работу в пазу не выходила даже часть рабочих-коммунистов, а наиболее широкий протест ограничения и постепенный запрет религиозных праздников встречали в среде рабочих-мусульман⁷. В 1925 г. только 25% рабочих Ижевского завода считали себя атеистами, причем, именно кадровые рабочие выступали против закрытия религиозных храмов⁸. Не были исключением и молодые рабочие: обследования молодежи на Урале в 1922/1923 г. показали: религиозные обряды выполняли 62% юношей и 71% девушек⁹.

Мы рассмотрели факты, относящиеся к рабочим промышленности. Степень религиозности рабочих была меньшей, чем у населения Урала в целом, тем не менее, различия в этом направлении не носили качественного характера. Заметим, также, что приведенные данные касаются только православных. Подлинная картина религиозности должна включать и статистику по иным конфессиям, которой мы не располагаем. Таким образом, несмотря на идеологическое давление, значительная часть рабочих Урала, как и остальное население, сохраняло верность религиозным традициям.

Власти Урала, отмечая сохранение религиозных убеждений в рабочей среде, главную вину за это возлагали на женщин из рабочих семей, рассматривая последних как “хранительниц устоев”¹⁰. Мы разделяем мнение о том, что сохранение религиозных убеждений было одним из проявлений “сопротивления народной культуры размыванию соборных начал”¹¹. Что же касается отхода от церкви значительной части рабочей молодежи¹², это явление, на наш взгляд, следует рассматривать как серьезную и растущую линию культурного раскола в рабочей среде.

По-прежнему в 20-е гг. характеристики культурного уровня рабочих зависели от наличия или отсутствия земельного участка, а также от пола. Так, в 1923/24 гг. взрослый мужчина-рабочий в среднем в месяц тратил на работу в личном хозяйстве 51,2 часа, а на культурные развлечения (включая общественно-политические мероприятия) — 29. У женщин-работниц эти показатели составляли соответственно 30 и 12 часов¹³. Как видно, в 20-е гг. у рабочих Урала время, предназначенное для культурных занятий, привычных для городского образа жизни, почти вдвое уступало времени труда в личном хозяйстве; сохранялось воздействие традиционных ценностей. Опросы рабочих крупной промышленности показывали, что свое благополучие они связывали как с работой на заводах, так с сохранением и даже расширением личного хозяйства¹⁴.

Коммунистическая партия рассматривала религию и церковь как соперника и противника в борьбе за умы людей. Построение нового общества связывалось с выполнением задачи “... выкорчевать из сознания людей религиозную идеологию”¹⁵. Партия постоянно координировала атеистическую деятельность государственных и общественных организаций и учреждений, органов народного образования, кино, радио, печати. Под руководством ВКП (б) была создана массовая атеистическая организация — Союз воинствующих безбожников (СВБ). За пять лет своего существования с 1928 г. по 1932 г. число членов СВБ на Урале выросло с 11,6 тыс. до 240 тыс., или в 20,6 раз. К лету 1933 г. на Урале в 16 840 ячейках СВБ насчитывалось 316 тыс. членов¹⁶. В начале 1933 г. Уральский областной совет СВБ выступил инициатором всеоюзного соревнования на лучшую постановку антирелигиозной работы. В качестве положительного примера приводился опыт назначения в приказном порядке пропагандистами атеизма врачей, агрономов, учителей¹⁷.

Каковы же были итоги антирелигиозной работы в СССР и на Урале в частности? Атеистический курс, возведенный в ранг политики государства, привел к разрушениям в области культурного наследия, как материального, так и морального свойства. С 1917 по 1941 гг. число общин русской православной церкви сократилось более чем в 10 раз. В СССР в 30-е гг. было уничтожено или погибло в результате саморазрушения до 30 тыс. церквей. На Урале были срыты, обезглавлены, превращены в государственные учреждения до 90% из тех 3 000 церквей и соборов, которые действовали до 1917 г.¹⁸ Казалось, «на этом фронте» удалось добиться кардинальных успехов. Сократилось количество невыходов рабочих на работу в престольные праздники, особенно, на военных заводах. Если в 1917–1921 гг. 90% всех браков в рабочей среде были церковными, а в годы НЭПа таких было около до половины, то в 1934–1935 гг., судя по официальной статистике — всего 2,4%¹⁹.

Однако, система моральных ценностей православного христианства, наряду с возрениями других религий, сотни лет являлись основой духовно-нравственных отношений в российском обществе. Архивные материалы сообщают о фактах выступлений жителей Урала в поддержку Церкви. В частности в 1930 г. только по Свердловскому округу Уральской области от общин верующих в облисполком поступили 20 прошений об открытии церквей, в том числе от ряда рабочих поселков. Борьба верующих за сохранение культовых зданий свидетельствовала о сохранении нравственного влияния религии. Подлинный масштаб такого влияния показали данные Всесоюзной переписи 1937 г.: 60–70% взрослого населения уральского населения признали себя верующими²⁰.

Приведенные цифры почти полвека оставались секретными для общества. Вместе с тем, руководители государства не могли полностью замалчивать столь очевидное явление. Знаменательно признание идеолога атеизма в СССР — Е.М. Ярославского: к середине 30-х гг. верующими оставались 1/3 городского и 2/3 сельского населения²¹. Итоги переписи стали не только показателем определенной оппозиции рабочих по отношению к власти, но и свидетельствовали о влиянии религиозных атрибутов на трансформацию духовно-нравственного облика людей 20–30-х гг., например, на переход христианских моральных ценностей (вера, любовь, терпение, жертвенность, и др.) в разряд моральных ценностей советского общества. Анализ материалов, относящихся к теме религиозных убеждений населения Урала, позволяет выделить ряд интересных для исследователей моментов. Во-первых, о неоднородности степени сохранения религиозных убеждений у мужчин и женщин. Так, выборочное обследование 1934 г. показало, что религиозные обряды выполняют 1–2% юношей и 12–17% девушек²². Как видно, разница существенная: почти в 10 раз. Не случайно, сегодня многие современники, родившиеся в 50–60-е гг., вспоминают, что их тайно крестили бабушки.

Во-вторых, при сопоставлении численности лиц, выполнявших религиозные обряды заметно следующее: значительными оставались массивы людей, исполняющих индивидуальные религиозные обряды. Число граждан молодого возраста, участвующих в коллективных обрядах было значительно меньшим. Например, в Свердловске в 1934 г. было проведено 5207 крещений детей (41% к числу родившихся), 4929 отпеваний умерших (58,8% к числу смертей), но только 164 венчания на 5065 заключенных браков (3,2%)²³. Как видно, религиозные убеждения уходили в область, потайную от государства. В-третьих, местами концентрации верующих промышленных рабочих становились новые индустриальные поселения, жителями которых являлись вчерашние крестьяне. Например, крупным центром старообрядчества в начале 30-х г. являлся Кировоград, куда к Петрову дню съезжались тысячи поклонников²⁴. Все это говорило о том, что значительная часть рабочих Урала в советское время осталась вне атеизма, сохраняя свои религиозные убеждения.

Примечания

¹ Подсч. по: Нечлас М.Г. Религиозная ситуация на Урале после революции 1905–1907 гг. / Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999. С.150.

² Безансон А. Советское и русское прошлое. М., 1998. С.8.

³ Гусев А. О культурной революции // Уральский коммунист. 1928. № 1. С.10.

⁴ Бектерева Л.Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 20-е гг. (количественные и качественные характеристики). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. С.19.

⁵ Подсч. по: ГАНИОПДГО. Ф.557. Оп.4. Д.101, Л.202об.

⁶ Просвещение на Урале. 1928. № 5. С.14.

⁷ ЦДООСО. Ф.4. Оп.2. Д.63. Л.51, 70; Оп.7. Д.433. Л.3; Уральский коммунист. 1929. № 15. С.38.

⁸ Бектерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов. С.172.

⁹ РГАСПИ. Ф.1. Оп. 1. Д.191. Л.100.

¹⁰ ЦДООСО. Ф.4. Оп.2. Д.100. Л.3, 29.

¹¹ Вишняковский А.Г. Серб и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С.173.

¹² Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С.20.

¹³ Шавлов А.В. Проблемы развития личных хозяйств уральских рабочих (1917–1927 гг.). С.39; Чуфаров В.Г. Осуществление культурной революции в СССР и коренное изменение духовного облика трудящихся советского Урала // Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. Свердловск, 1972. С.142.

¹⁴ ГАСО. Ф.272. Оп.1. Д.653. Л.41–42.

¹⁵ 17 съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934. С.297.

¹⁶ ГАСО. Ф.272. Оп.3. Д.1349. Л.3 об.; ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.1264. Л.85.

¹⁷ Бельбожники. 1933. 25 мая; ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.695. Л.101–102.

¹⁸ Постников С.П. Модернизация и социокультурные процессы в городах Урала (конец 1920–1930 гг.) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С.112–113.

¹⁹ Крутинская В.Ю. и др. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. С.191.

²⁰ Быкова С.И. Невасилье против насилия: опыт противостояния верующих атеистической власти в 1930-е гг. (по материалам Уральского региона) // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С.284.

²¹ Об антирелигиозной пропаганде. М., 1940. С.12.

²² ЦА ВЛКСМ. Ф.1. Оп. 1. Д.191. Л.100 (конец 20-х — 1930-е гг.)

²³ ЦДООСО. Ф.4. Оп.14. Д.716. Л.6; Оп.13. Д.614. Л.81; Ф.161. Оп.1. Д.866. Л.81.

²⁴ ГАСО. Ф.233. Оп.1. Д.1278. Л.12.

*М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ РАБОЧИХ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Вопрос об общекультурном уровне рабочих в период 1929–1941 гг. следует отнести к числу наиболее актуальных среди исследований, посвященных истории России советского периода. В литературе 30–80 гг. XX в. не вызывал сомнений тезис о ведущей роли рабочего класса во всех областях социалистического строительства, в том числе, и в сфере культуры¹.

Рассмотрим реализацию этих планов в той сфере, которая в первую очередь должна была подвести рабочих к уровню знаний интеллигенции — в области высшего и среднего специального образования. С конца 20-х гг. государство обозначило приоритеты в общеобразовательной подготовке рабочих. В первую очередь, повышенные формы обучения касались коммунистов и комсомольцев; затем, ударников, а с 30-х гг. — стахановцев. Последних пропаганда рисовала как передовых рабочих, новаторов. Далее, в списке приоритетов, шли рабочие крупных промышленных центров, и, наконец, остальные рабочие. В реальной жизни эта иерархия, в определенной степени корректировалась малограмотностью значительной части коммунистов и комсомольцев, ударников и стахановцев. Архивные документы раскрывают ракурсы биографий стахановцев: в своей массе это были вчерашние неграмотные или малограмотные рабочие. Справедливость данного вывода подтверждает анализ биографий 500 наиболее известных стахановцев СССР — 60,7% из них являлись выходцами из деревни; почти половина имела стаж 3–4 года. Аналогичное заключение можно сделать и при изучении жизненного пути первых стахановцев Урала².

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Призыв государства к рабочим — “Пролетарии — в вузы!” нашел благодатный отклик у рабочей молодежи. О размерах данной социальной группы можно судить по следующим показателям: к 1929 г. на Урале были два рабфака, в которых обучались около 1000, а ежегодный выпуск составлял не более 300 человек. Переход к “штурмовым” методам привел к тому, что за 1928/29 г. — 1931 гг. численность учащихся рабфаков Уральской области выросла в 11 раз. Всего же в конце первой пятилетки в индустриальных вузах и техникумах Уральской области обучались более 15 тыс. рабочих и их детей³. Было бы неверно не замечать ни масштабность указанного явления, ни радикальность такого “рывка к знаниям” малограмотных в своей массе рабочих.

Но задумаемся: сколько же из молодых рабочих и детей рабочих закончили высшие учебные заведения Урала? По нашим примерным подсчетам, за 20–30-е гг. этот показатель составил около 10 тыс. рабочих, или около 1% по отношению к численности рабочих промышленности региона в 1940 г.⁴ Подготовить большее число специалистов из пролетарской среды помешали образовательный уровень большинства рабочих, низкое качество подготовки в период сокращения сроков учебы; слабое развитие заочного обучения. Сеть заочного обучения охватывала на Урале в 1931 г. до 5 тыс. человек, в том числе, около 1 000 рабочих, однако спустя 5 лет инженерами стали только 8 студентов-заочников. Выпуски второй половины 30-х гг. исчислялись десятками специалистов⁵. Введение платности обучения с октября 1940 г. — малоисследованный сюжет нашей истории — сузило саму возможность получения рабочими высшего и среднего специаль-